

**МВД России
Санкт-Петербургский университет**

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО:
ЭВОЛЮЦИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ,
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Навстречу 300-летию российской полиции

**Материалы
международной
научно-теоретической конференции**

28 апреля 2016 года

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВОВОГО РЕАЛИЗМА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Механизм функционирования государства может быть исследован в парадигме правового реализма – философско-правовой концепции, основанной на актуализации правоприменительных процедур, психологическом восприятии фактичности права, отрицании избыточной метафизики, вступающей в противоречие с эмпирическими наблюдениями исследователя.

Обращаясь к историческим предпосылкам возникновения правового реализма в североамериканском, скандинавском и советском обществах, следует отметить, что правовой реализм стал популярным в первой половине XX века. Можно выявить некоторые сходные черты развития правовых культур Северной Америки, скандинавских стран и Советского Союза в период между первой и второй мировыми войнами. Действовали три общих принципа: доминирующее значение правовой доктрины, сильная зависимость юриспруденции от неюрисстов, прагматизм юридических методов. Авторы правовых доктрин в названных территориях не совпадали: в США доктрину формировали высшие судебные инстанции и университетские теоретики, в Скандинавии – философы, в России – революционеры, захватившие политическую и экономическую власть. Правоприменители «на земле» были связаны доктринальными установками сверху в не меньшей степени, чем текстами нормативных актов. Это оказывало особенное воздействие на занятых в судебной индустрии людей, не имеющих фундаментального юридического образования.

В американской юриспруденции зависимость от неюрисстов проявилась через развитие судов присяжных, где обычные граждане принимали реальные решения о виновности или невиновности подсудимого на основании психологической интуиции и обывательского мнения. Скандинавское право оказалось подвержено влиянию неюрисстов через нижестоящие суды, в которых со средних веков активно действовал институт *påmnd*, состоящий из группы местных жителей, имеющих право коллективно голосовать вопреки мнению судьи по всем фактическим и правовым обстоятельствам дела¹.

Дополнительным основанием для доминирования неюрисстов, например, в Швеции стала нищета государства: в стране слабого феодализма управление было сконцентрировано в одном месте. Простая и централизованная судебная структура корреспондировала с такой же административной структурой. Местные власти либо отсутствовали, либо были чрезвычайно бесправны, хотя в это же самое время в некоторых французских регионах насчитывалось восемь судебных инстанций, включая феодальные и королевские суды². Шведское юридическое обучение отражало идею права как прагматичной деятельности, большинство произведений юридической литературы XVII–XVIII в. составлялось в форме руководства для судей. Право было упаковано в упрощенные формы, поскольку не хватало ресурсов для глубоких исследований, юридическая литература издавалась для читателей с неглубоким или вообще отсутствующим правовым образованием, которые не могли разобраться со сложными правовыми концепциями и доктринами³. В этом заключалось суще-

ственное отличие от континентальной Европы и сходство с системой общего права и революционным правом Советской России.

Американские, скандинавские и советские юристы первой половины XX в. имели разные национальные истории, но они разделяли общее понимание своей роли как посредника между правом и обычным человеком в суде, между правом и практическими проблемами общества. Правоведы сравниваемых культур намного сильнее, чем их коллеги в других обществах, разделяли предпосылку, что право существует в виде практического инструмента. В этом смысле период между двумя мировыми войнами для американского, скандинавского и советского права явился скорее опытом, чем логикой и аргументативными концепциями.

Если американские и скандинавские юристы являлись прагматиками благодаря традиции, то советские юристы были вынуждены восходить от практики к теории, поскольку победившие в ходе Октябрьской революции 1917 г. политические силы вначале старый юридический мир разрушили («до основанья»), и только после разрушения начали строить новый социалистический (коммунистический) мир. Первая мировая война переросла в длительный экономический кризис. Послевоенные голодные годы, политический и социальный раскол в обществе, затянувшаяся революция и гражданская война требовали от правоприменителей ежедневных практических решений. Начинаясь эпоха, в которой источником права для судебных инстанций становились социалистическое правосознание и революционная целесообразность. «В условиях, когда делались лишь первые шаги по организации социалистического государственного управления, когда у советского законодателя еще отсутствовали необходимые данные и достаточный опыт для детального декретирования тех или иных преобразований, когда буржуазная правовая система была в основном сметена, а новое законодательство имело еще фрагментарный характер, – в этих условиях революционная целесообразность воплощалась не только в советском праве, но и в самостоятельном, не регламентированном декретами революционном творчестве местных советских органов. В тот период соображения революционной целесообразности выступали зачастую критерием правильности, законности действий органов и должностных лиц Советской власти, ибо далеко не все вопросы были урегулированы в новом законодательстве»⁴.

Сформировавшиеся в революционную эпоху реалистические подходы к решению конкретных юридических задач укоренились в социалистическом праве на многие десятилетия и едва ли можно утверждать, что в современном российском праве они перестали использоваться. Отечественные критические правовые исследователи ссылаются на ангажированные («заказные») уголовные дела, посредством которых действующая публичная власть расправляется с лидерами оппозиции и экономическими конкурентами. Разве в XXI в. не остаются актуальными слова выдающегося реалиста своей эпохи М. И. Калинина: «война и гражданская борьба создали громадный кадр людей, у которых единственным законом является целесообразное распоряжение властью. Управлять для них значит распоряжаться вполне самостоятельно, не подчиняясь регламентирующим статьям закона»⁵.

Российский социалистический правовой реализм первой половины XX в. поставил право в полную зависимость от политических действий лидеров революции и коммунистической партии. Под правом в революционной действительности рассматривались не столько нормативные акты, сколько воля правящего субъекта, которым мог оказаться комиссар, коммунист, назначенный судья или просто авантюрист. В определенные периоды так называемое револю-

* Тонков Евгений Никанорович – старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, кандидат юридических наук.

ционное правосознание становилось основным источником права и основанием принятия судебных решений и внесудебных актов (например, расстрел, изъятие собственности и т. п.). В действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ совесть конкретного правоприменителя и закон государства признаются равными источниками принятия важнейших процессуальных решений⁶.

Тенденции развития российского правового реализма демонстрировали, в том числе, уменьшение влияния формализма в судопроизводстве, актуализацию судебного субъективизма, политическую и экономическую мотивированность юридических решений. Революционная целесообразность доминировала над буржуазной законностью. Наиболее радикально формализм в праве был преодолен в ходе октябрьской (1917 г.) революции. Декретом о суде № 1 субъекты, совершившие вооруженный государственный переворот, упразднили всю существовавшую систему юстиции и предусмотрели создание революционных трибуналов. Новое право создавалось в парадигме «жесткого» правового реализма, частными принципами которого в Советской России становились диктатура пролетариата, народность судов, революционная целесообразность, военный коммунизм, произвольное и насильственное перераспределение собственности. Юридическое образование для занятия места судьи или следователя перестало быть обязательным. Движение социалистического правового реализма не было оформлено доктринально, но оно имплицитно содержалось и развивалось в рамках культурологической концепции социалистического реализма.

Российский правовой реализм – сложившаяся в постреволюционной России и продолжающая действовать по настоящее время законодательная и правоприменительная доктрины, согласно которым декларативные нормы справедливого порядка не совпадают с юридической практикой. Сравнительное исследование эволюции российского правового реализма позволяет глубже понять структуру современной публичной власти и механизм функционирования государственных органов.

© Тонков Е. Н., 2016

¹ *Blomstedt Y. Laamannin Ja Kihlakunnantuomarinvirkojen Laanit-Taminen Ja Hoito Suomessa 1500- Ja 1600-Luvuilla (1523–1680): Oikeushal-Lintohistoriallinen Tutkimus, 1958. Цит. по Pihlajamäki H. Against Metaphysics in Law. P. 485.*

² *Dawson J. P. A History of Lay Judges. Cambridge: Harvard Univ. Press., 1960. P. 82.*

³ *Pihlajamäki H. Against Metaphysics in Law. P. 486.*

⁴ *Рабинович П. М. Борьба за советскую социалистическую законность в РСФСР (1917–1920 гг.) // Правоведение. 1967. № 5. С. 123–124.*

⁵ *Калинин М. И. О социалистической законности. М., 1959. С. 116.*

⁶ *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 2 марта 2016 года) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1), Ст 4921.*